Prof. dr. Czövek István
Department of World History
University of Miskolc

Русская дипломатия и Габсбурги в 1867-ом году

В вышеназванной теме я хотел бы затронуть два основных вопроса – таким образом, что период русской дипломатии разделю на две части, с 1856-го по 1917-ый год: первый период с марта 1856-ого года по сентябрь 1870-ого года, а второй период – с 1870-го по 1917-ый год. Первый этап – это так называемое «собирание сил», а второй период – время новой русской политики. В первом периоде я выделил бы 1867-ой год, в котором произошли два значительных события, важные для Габсбургской империи, а может быть, и для Европы, а также и для России. Первым событием считается Австро–Венгерский дуализм, который был заключительным результатом длинного исторического согласительного процесса, и одновременно началом новых тяжких испытаний. Вслед за этим я выделил бы московский конгресс славянских народов, который заслуживает внимание в национальном плане для Габсбургской Империи, у которой предшествующие события восходят к далёкому времени. Эти два события обязательно связываются друг с другом в одной теме, когда славяне недовольные Австро–Венгерским дуализмом, разочарованные в своих надеждах обратились к Москве.

Можно поставить вопрос, какая была внешняя политика России в данный период, которая среди прочих своих дел можно заниматься также и проблемами славян.

Решительно надо сказать то, что дипломатическую риторику надо было бы применять Англии, на Западе, не в России. Общественное в России мнение было важно, но оно не играло в ней решающей роли. Хотя в оценке общественного мнения и имеют серьёзные споры. В данном периоде имели значение аргументы, по большей части, канцлера Горчакова или даже царя. Поэтому при исследовании дипломатических событий надо останавливаться на их личной компетентности.

Начиная с 1855-ого во главе Империи стоял Александр II. Его отец царь Николай I. был одним из даже не самым консервативных властителей Европы. Он следил с вниманием, чтобы своего сына великого князя обстоятельно подготовить к трудной работе по управлению империей в будущем.

В 1839-ом году после знакомства с Россией он направился в европейское путешествие. Во время зарубежных поездок он ещё с Николаем I. бывал в Берлине и Стокгольме, потом один был в Швейцарии, в Дании, в Австрии, Голландии, в Америке, но не ездил во Францию. В его путешествиях ему оказывали внимание, ему давали награды и дипломы, например он стал членом данской художественной академии, в Оксфорде он получил право доктора. Николай I. умер 2-ого марта 1855-ого года, но перед смертью он так выразил своё недовольство: «Я передаю тебе мою империю, но, к сожалению, не в таком порядке, как я хотел бы. Я оставляю тебе много забот и работы»,[1] – сказал он сыну. Александр действительно унаследовал заботы, от которых зависело будущее России. Прежде всего, он смог обратить своё внимание на внутренние проблемы, надо было закончить крымскую войну. Это было сложным делам для нового царя. Не помогала в решении вопросов та часть общественного мнения, которое создавалось его младшим братом Константином, так как этот последний не нёс ответственности за свои решения.

Александр, кто сам хотел бы выйти с победой из войны, почти как побеждённый передал своему младшему брату те аргументы, которые мотивировали подпись под договором о мире. Пришла очередь заключения мира 30-ого марта 1856-ого года в Париже, а Александр объявил в своём манифесте, в котором он сообщил об этом событии, что обещает, что он со всей силой хочет приводить в порядок внутреннюю жизнь страны, создавая твёрдую политическую систему в России.

Вообще, изменения в определённых вопросах сразу последовали, например, в вопросах иностранных дел. Но для осуществления своих намерений у царя должна быть исключительная сила, которой у него не было.

Гранвилле, посол королевы Виктории, который принимал участие в коронационной церемонии, характеризовал его следующими словами: «У него есть доброе намерение, но он слабый, как вода. Он интеллигентный человек, достойный любви, но это недостаточно для тех задач, которые надо результативно решать. Там, в ситуации, где властитель в одном лице решает все важные вопросы, и нет такой конституционной системы, которая в определённой мере могла бы контролировать его действия, – там эта характерная черта не является благоприятной.»[2]

В частности Англия осталась в позиции против России. По мнению Англии, Россия «большой суровый тёмный лес, который как наседка сидит на Европе и Азии, и никто не знает, кто сильный, а кто слабый».[3]

Союз России с Австрией и Пруссией, наконец, развалился. Прямая цель внешней политики Александра II. была найти союзников против двух больших врагов Англии и Австрии, и после этого изменить пункты парижского мира.

Значит, если в мире изменились соотношения сил, после этого надо было изменить и русскую внешнюю политику. Несселроде и его круг для этой цели не подходил. Состарившийся канцлер с радостью принял новее наград от нового царя, но вместе с тем он должен был удалиться со своего места.

15-ого апреля 1856-ого года Александр Михайлович Горчаков был назначен министром иностранных дел. По мнению И. Грея он был ответствен за изменение внетней политики.[4]

Среди русских дипломатов Горчаков, – по мнению известного немецкого историка Д. Бейрау – пользовался маленьким авторитетом, причиной чего могло быть и то, что он сильно зависел от личности царя.[5] Его потенциальными соперниками считались Будберг и И. Н. Игнатьев. Он старался обоих держать в тени двора. Уверенно, в течение долгого времени он избегал влияния со стороны различных партий внутри российской власти.

Как изменялись характерные черты политиков, он прежде всего чувствовал себя слугой царя – властителя (государя). Он вырос на монархических нормах Александра I, и Николая I, и для него роль «губки», которую можно выжимать как угодно, не было для него отвратительной ситуацией. Вероятно были между Горчаковым и Александром II небольшие разногласия во вопросах политику, как, например, в рассуждениях о поляках, в связи с пруссаками, относительно революций которых Александр так боялся, – эти расхождения были невидными.[6]

Ограниченность программы внешней политики царизма в последующие годы, главным образом, объясняется неопределённым внутренним положением.

А теперь посмотрим конкретно 1867-ый год, прежде всего в связи с московским славянским конгрессом и русской дипломатией. Как и в других европейских политических вопросах, царский двор, и сам царь, мог ориентироваться по этой теме, исходя из трёх источников: из дипломатических каналов, из газет, и используя материал русского третьего отделения.

Австрийская империя и этническая карта России кажутся очень подобным. Только напомним, на европейской территории России жило 15 наций, а в Австрии – 11 наций и национальностей. Об этом написал Иштван Диосеги в своей замечательной работе: «Для монархии Габсбургов и России из-за многонационального состава

национальная политика означала собственно политику».[7] Два самых сильных национальных движения создали Австро-Венгерский дуализм – империю с двумя центрами. Вена и Пешт закрывались для того, чтобы южные славяне и чехи не могли требовать получения права.

В России симпатия, проявившаяся в широком аспекте к славянам, проживающим в соседних странах, была бы десятилетием раньше немыслимой. Русское правительство не держало всё эти симпатии, хотя Министерство иностранных дел и сделало полную проверку деятельности Московского Славянского организационного Комитета. Созвучно с этим воспоминанием, написанное десятилетием позже: «Байст сказал: царь Николай был определённо врагом панславизма, но Александр II, покойный император сделал кое-какие уступки опасным идеям Австрии».[8]

Эти события весьма непосредственно затрагивали Австрию, ведь славяне, живущие внутри её границ, приняли приглашение.

А требования, как они это узнают в ходе длительного времени их посещения, не выполняются. Идеи,[9] организующие славянофилов, больше напоминали их ассимиляцию в русскую нацию, чем осуществление их собственных прав, а официальная дипломатия ловко уклонялась от политических вопросов, ведь вся Европа следила с вниманием, с подозрением за захватническими стремлениями России в отношении славянских народов. Хотя, уже в это время русское посольство в Вене думало что, ослабляя Монархию, поддерживая славян, Россия не должна поддерживать национальные стремления чехов, более того её надо влиять на то, чтобы в Чехии осуществлялось немецкое влияние. Учитывая дату 1871, становится ясно, что Россия, имея в виду свои интересы, не поддерживала национальные, главным образом чешские стремления. С одной стороны в Галиции могут получить больше прав чем на польских территориях России, что не способствовало их открытом угнетению Россией. С другой стороны: «Триализм и лучше федерализм сдало бы славянский характер Монархии, а это, с русской точки зрения, было бы нежелательны, ведь Монархия в славянском большинстве станет сильным конкурентном для России на Балканах.»[10]

Делегация славянских гостей 10-ого мая посетила князя Горчакова, посла Ревертера. Их визит, нанесённый Горчакову, был приветливым, но формальным без всякого результата. Опытный дипломат организовал им, по их просьбе, царскую аудиенцию, приёму австрийского посла.

Александр II 14-ого мая встретил славянских гостей в Золотом зале и приветствовал их следующими словами: «Приветствую Вас, Господа! Надеюсь, вы будете довольны приёмом и здесь, и в Москве. До следующей встречи!»[11] Возвращаясь в гостиницу, Беллевуе сразу послал восторженные телеграммы в родные города, где составили телеграмм за пустой протокольной формой, увидели особенно содержание, все выделяли следующий речевой оборот царя: «… славянские братья на настоящей земле».

Не отрицали влияния конгресса на славянские народы те люди, которые считались врагом славян. Поездку делегатов действительно можно оценировать как демонстрацию против Австрии, которая в это время достигла с венграми дуализма Венгрии и Австрии, закрыв этим возможность получения политических прав славянским большинством монархии.

Австро-Венгерский дуализм в 1867-ом году не только венгерское общественное мнение, но вся Европа, занимающаяся политикой, встретила с половинчатыми чувствами.

При исследовании периода дуализма Венгрии и Австрии, а также относящейся к тому времени русской дипломатии можно полагаться на три типа источников: на русскую журналистику, на документы третьей отделения и, наконец, на дипломатические рапорты посла, на мемуары, на дневники. Это три источника во многих отношениях совпадают, ведь Горчаков очень интересовался созданием мнений о нём самом, создавал сам общественное мнение. Он писал: «Нет, ничего досаднее, когда общественное мнение апатичное, безучастное.»[12]

Практически газета «Голос» стала выразителем мнения русского МИД-а с этой же целью был создан журнал «Nord» для информирования зарубежных стран. Естественно, министр иностранных дел интересовался мнением только дворянской элиты зажиточного городского сословия и информированной прогрессивной интеллигенции.

«Голос» – рупор Горчакова – в связи с Австро-Венгерским дуализмом так писал: «Судьба объединила в неразделимое единство все части дуализма Венгрии и Австрии, связала с нераздельно судьбу венгерской нации и авторитарно провящей династии. Распад Австрии влёк бы за собой и гибель венгерской нации».[13] К этому можно приложить и приготовленный 3-им отделением реферат о Венгрии: «Австрия опасается славянских элементов и русской православной церкви» и далее: … «Венгры вообще не думают о едином интересе государства».[14] Журнал старается вызывать антипатию

против венгров и уменьшить их заслуги, так как его главная тема – «трагическая» судьба горватов, которые напрасно стараются всей силой достигнуть мои ситуации, которую венгры просто так, «в подарок» получили от австрийского правительства.

Дипломатический корпус имеет первую и очень важную возможность быть информированным по политическим связям русской империи и Австро-Венгерского дуализма. Кроме русских архивов, между прочим, в Бонне, в архиве иностранных дел, находится целая пачка документов, которая специально относящаяся к вопросам Австро-Венгерского дуализма. За недостатком времени, я хотел бы представить только один документ этого собрания документов. Реус, прусский посол, в Петербурге в посланной им телеграмме от 26-ого июня 1867-ого года замечает, что инструкцию, изданную 24-ого июня 1867-ого года, он получил по почте, она следующего содержания: «это информация послана только меня. Таким образом, я не сказал об этом ни князю Горчакову, ни другому компетентному лицу о наблюдении Вертера».[15] Надо знать, что посол Пруссии, потом венгерский посол Северо-немецкого союза, был Карл фон Вертер, который вместе с другими дипломатами принимал участие при коронации короля в Пеште. Он написал длинный реферат Бисмарку о своих наблюдениях. Суть содержания реферата состоит в том, что широкий слой венгерского населения с искренней благодарностью думает о Пруссии. Зная относящие к этой эпохе высказывания Вертера о Венгрии, можно заметить, что его или обманули, или он не правильно понял что-то. В Венгрии 60-х годов негативно оценили бисмаркскую Германию. Долгое время считали Бисмарка юнкером – самодуром – и квартирантом у царской России. На всякий случай, Горчаков и его политические помощники не спросили об инциденте. В последующей части документа идёт речь о напряжении сил венгерской радикальной партии, у которой был идейным руководителем Кошут и Перцел.[16] Связанный ними агент 3-ьего отделения – один польский эмигрант, живущий в Венезии, в документе № 162 написал следующие: «Венгерская революционная партия это и есть левая сторона парламента».[17] В дипломатическом документе можно найти ссылку на то, что в Венгрии в Феледьхазе радикальная сторона попробовала арестовать шпионов венской власти, но толпа и армия использовали оружие. Реус сутверждает, что сочувствуют Кошуту не бедные люди так как видно, что при ободрении русского правительства и от Пруссии собирают на эту цель деньги.[18] Сюда относится и следующая информация, содержащаяся в документе под номером 162 III-его Отделения: «Только Кошут может взбудоражить венгров своими словами и волшебной силой своих сочинений доводя их до фанатизма».[19]

В заключение можно сказать, что архивный материал, с одной стороны, показывает формы и механизмы дипломатии Горчакова так, что он будто бы переводит события в международную плоскость. С другой стороны, этот материал показывает сотрудничество среди дипломатов.

В ту эпоху отношение империи Габсбургов и России складывалось исключительно особенно. Особенность означало то, что следствием дуализма было то, что Россия не могла подходить одинаково к двум половинам Австро-венгерской монархии, которая после дуализма стала с двумя центрами, и принятие этого половинчатого с ближения была тоже разная у двух сторон. В случае венгров, русское правительство встречало только однозначный отказ, в то время нам определённые круги австрийской политической жизни включали Россию в свои дипломатические представления.

Отношение двух соседних государств определил и тот факт, что в это время было очень важным – вопрос о национальном самоопределении. Так как на территории обоих империй жили многочисленные национальности, стоящие на разной ступени самоопределения, отношение к ним стало более определённым, понятным, но у них была чувствительная реакция в отношении действий другой стороны. Поэтому не случайно то, что дуализм определённо усилил русский интерес к австрийской внешней политике.

Примечания

1. Grey, Ian: The Romanovs. London, 1971. 292. p.
2. Mosse, Verner Eugen: Alexander II. and the Modernization of Russia. London, 1958. 42. p.
3. Grey: 302. p.
4. там же
5. Beyrau, Dietrich: Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866–1870/71. Wiesbaden, 1974. 25. p.
6. Beyrau: 26. p.
7. Diószegi István: Üllő és kalapács. Bp., 1991. 26. p.
8. Молчанов, Александр Николаевич: Мемоары Бейста. Ин: Исторический Вестник, т. 28. 1887. IV–VI. 677.
9. Niederhauser Emil: A szlavofilek történetszemléletéhez. In: And Sěries Historica 5. sz. 1966. 27–42. pp.
10. Diószegi: 45–46. pp. ам. ещё Центральный Государственный Архив России (далее ЦГАР) Но. 597. оп Но. 1. ед. хран. Но. 875. 206–211. Доклады С. С. Татищева от русского посолъства в Вене.
11. Голос, 18-го мая 1867-ого. Но. 136. На русские газетъе смотрите Czövek István: Oroszország külpolitikája II. Sándor korában és a közvélemény. Nyíregyháza, 1996. 49–62. pp.
12. Бушуев, Сергей Константинович: А. М. Горчаков. Москва, 1961. 35. л.
13. Голос, 1-ого сентября 1867-ого года. Но. 229.
14. ЦГАР ф. Но. 109. Но. 4. ед. хран. Но. 168. 3. л.
15. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (далее PA Bonn) Russland 8429 26. Juli 1867. 97. p.
16. PA Bonn Russland 8429 26. Juli 1867. 100. p.
17. ЦГАР ф. Но. 109. Но. 4. ед. хран. Но. 162. 1. л.
18. PA Bonn Russland 8429 26. Juli 1867. 100. p.
19. ЦГАР ф. Но. 109. Но. 4. ед. хран. Но. 162. 1. л.